

Сам себя и казнь, и милую

15 сентября Кириллу Лаврову исполнится 75 лет. Накануне, 14-го, в БДТ играют последнюю по времени премьеру — «Перед заходом солнца» Г. Гауптмана. Лавров выходит на сцену в роли Маттиаса Клаузена — в роли, которая определила для него очень многое.

Судьба этого интервью непосредственно связана с этой ролью. Год назад я пришла к Кириллу Юрьевичу с диктофоном, но, усталый, растерянный, замученный театром, которым он руководит уже десять лет, он отказался от запланированного разговора. «Убери диктофон, мне нечего сказать тебе...» Мы просто разговаривали о планах БДТ. Что дальше? «Кирилл Юрьевич, вспомните, как на поминках Дины Морисовны Шварц (легендарного завлита БДТ) мы сидели с вами и режиссером Гришей Козловым, и Гриша вспомнил ее идею — поставить с вами «Перед заходом солнца»? Лавров оживился: «Ты можешь найти Гришу прямо сейчас?» И уже через час найденный по телефону Козлов сидел в том же кабинете. Работа продолжалась целый сезон.

Встречаясь почти ежедневно на репетициях, периодически мы назначали день, когда я опять приходила к нему с диктофоном. И каждый раз заставляла его замкнутым, грустным, усталым, без той легендарной улыбки, которая разглаживает лица людей при воспоминании о ней — «Лавров». «Мне хочется бросить все к черту, я устал и ничего тебе не скажу».

Последние дни перед майской премьерой он не уходил со сцены по двенадцать часов.

Кирилл Юрьевич Лавров замечательно сыграл Клаузена. Сыграл, встав в один ряд с прежними исполнителями этой роли Б. Сушкевичем, М. Астанговым, Н. Симоновым. Спустя месяц после премьеры, отволновавшись и отпраздновав, мы все-таки побеседовали все в том же кабинете руководителя Большого драматического театра. Загорелый, подтянутый (он только что прилетел из Греции), очень красивый человек почти не напоминал того, прошлого года, — растерянного и раздраженного. Кажется, он был почти счастлив.

— О чем вы чаще всего последнее время думаете, проснувшись утром?

— Учитывая то, что эта обуза под названием БДТ последние десять лет очень много занимала меня, я просыпался с думами о том, что будет сегодня. И только когда я взялся за Гауптмана, он постепенно отвлек меня, и я стал думать о своей профессии, об этой роли и обо всем, что с нею связано. Я почувствовал, что занимаюсь своим делом. Я снова почувствовал жизненный интерес. Давно уже этого не было, и я очень рад, что на старости лет мне подвалила такая возможность — увлечься, поработать.

— И что в этой роли было для вас самым существенным?

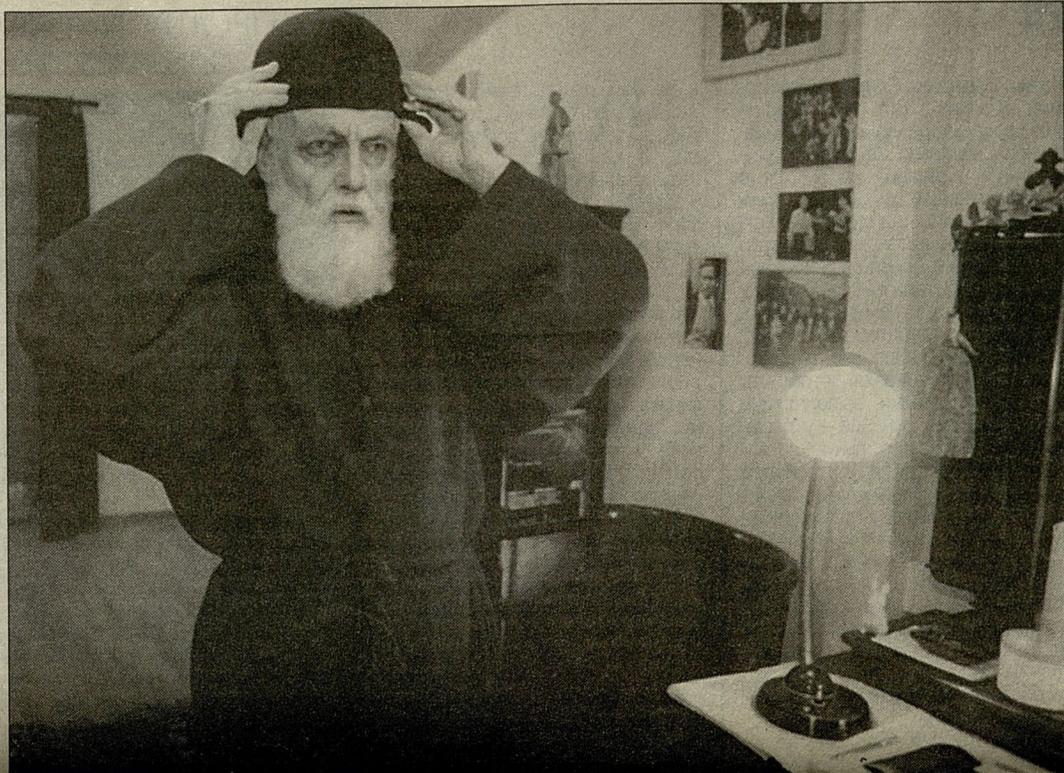
— Этот старик, Гауптман, так точно знает и чувствует человека, перешагнувшего определенный возрастной рубеж. Мне мало надо было фантазировать и очень легко было соединить то, что написал он, с тем, что происходит со мной. Ощущение неизбежно приближающегося окончания спектакля, именуемого жизнью, и ощущение того, что каждый человек подходит к этому абсолютному одиночеству, родных, близких. Просто, вероятно, в силу заложенных Господом Богом психофизических законов каждый умирает в одиночку. Все это так неново, так повторяется из поколения в поколение, но от этого проблема не уходит. Смена поколений, то, что идет на смену принципам и законам, по которым жил всю свою жизнь я, — все это рушится, приходит другое. От понимания этого не делается легче. Борьба бессмысленна, а не бороться нельзя, поэтому, наверное, в результате Клаузен и приходит к Марку Аврелию и принимает «сахар с запахом горького миндаля»...

— А что такое счастье?

— Это так мимолетно и так трудноловимо. Можно быть счастливым в очень короткий, как вспышка, момент. Эту вспышку и можно назвать счастьем.

— А какие моменты в театре сейчас вспоминаются как счастье?

— Это главным образом связано с Товстоноговым. Ощущение какой-то удивительной причастности к тому процессу, который мог создать во время репетиций Георгий Александрович. Когда получалось то, что он хотел, и когда он уже заражал меня и всех, и когда это начинало каким-

В Академическом Большом драматическом театре имени Г.А.Товстоногова новый сезон открылся декадой юбилейных спектаклей, приуроченных к 75-летию художественного руководителя этого театра, народного артиста СССР, лауреата государственных премий Кирилла Лаврова. В первом спектакле юбиляр сыграл Пимена в «Борисе Годунове». Кирилл Лавров — Пимен — перед выходом на сцену

то образом получаться, — это было оно самое, счастье.

— А есть отдельные репетиции, которые помнятся?

— Да, конечно. Но процесс в театре настолько трудноловим, что, когда говоришь словами, сразу все теряется. Вообще для меня всегда очень важны внутренняя работа, поиски в области интуиции, внутренних нюансов, личных наблюдений, включение собственной фантазии. По всей вероятности, это моя собственная «система» работы над ролью, потому что я не имею театрального образования, не знаком с теми законами, которым учат в институте. Нет, конечно, я читал потом и Станиславского, и Чехова, и Топоркова — всех перечитал, но стройной системы работы над ролью у меня нет, я шел от роли к роли собственным опытом. И, вероятно, поэтому до сих пор подхожу к роли, как студент к первой работе.

— Я помню ваш страх перед Гауптманом, особенно до начала репетиций. «Не потяну, это играли великие, давайте откажемся от этой затеи...»

— Огромный страх! Он вообще все время где-то присутствует. Мне не свойственна уверенность в собственном опыте.

— Странно слышать это именно от вас. Ведь ваши персонажи, особенно кинематографические, такие сильные, успешные «социальные герои».

— Вот в этом-то все и дело! Одна-две работы в таком русле (волевые, сильные люди) получились — и режиссеры стали хвататься за привычность, типичность, знакомые качества. Опробовано, зритель кушает — и следует третье, четвертое. Это ужасно. Но, честно говоря, меня всегда увлекают сильные характеры. Мне нравятся одержимые люди, которые обязательно сомневаются (я не признаю людей, лишенных сомнений!), но все равно сильны. Вероятно, это потому, что самому мне такой силы и одержимости не хватало, хотелось создать эти качества и в себе самом.

— А роль влияет на вас как на человека?

— Влияет. Для меня важны не только репетиции, процесс взаимоотношений с ролью продолжается все время. Вот только что я был в Дельфах. Лежим под деревом на берегу моря, пошли купаться. И вдруг мне пришла в голову одна из сцен «Перед заходом солнца», и я вступил, не замечая этого, начал ее проигрывать — за себя, за партнеров. Один из моих попутчиков говорит: «Кирилл Юрьевич, вы что?» А я занят своим... По улице идешь, а где-то параллельно в тебе идет этот процесс.

— Издалека мне кажется, что в первые десятилетия БДТ у Товстоногова была логика ведения актера от роли к роли. Свой «первый приз» в котором оказались и вы, он развивал, определял каждому логику развития. Делал то, чего не делают многие наши сегодняшние лидеры.

— Я не могу сказать, что таким образом он думал обо всех семидесяти актерах труппы, но о группе, главным образом работавшей с ним, он очень много думал. И, в частности,

обо мне, я знал это. Неоднократно говорил: «Кира, меня беспокоит, что вы стали много появляться в кино в одном и том же виде, вам надо сыграть другое...». И я получал Солонго в «Трех сестрах», Чарльза Говарда в «Четвертом» — что-то совершенно противоположное.

— Чем отличался тот БДТ как организм от того театра, которым сейчас руководите вы?

— В общем, это был, конечно, совсем другой театр. Со своими внутри-театральными проблемами, неудовольствиями и прочим, но все это было подавлено огромным творческим авторитетом Товстоногова — тем, что происходило на репетициях, тем, что происходило на спектаклях. Мы зримо ощущали, как растет авторитет театра, когда каждый спектакль был событием. Нет, бывали и провалы, и слабые работы, но в чрезвычайно малом проценте. Шла мощная продукция. Сам процесс репетиций — это был восторг! Все остальные проблемы болтались где-то на периферии, все свои неудовольствия каждый скрывал, не смел их выразить, потому что шел творческий процесс. Когда все цемментировалось творческим результатом, тогда директор становился функциональным исполнителем своих обязанностей, тогда вопрос о творческой дисциплине вообще не стоял, потому что при таких репетициях нельзя было на них опоздать. Какие там опоздания! Я за всю свою жизнь не попросил ни одной роли (ну это у меня принцип такой), но и не отказался ни от одной роли (только был случай с Черкуном, когда я отказался от роли в пользу Луспекаева и сам себя уважаю за этот поступок, потому что это был действительно замечательный актер, и эта его работа была прекрасной). Конечно, и тогда находились люди, которые пытались влиять и на свою судьбу, и исподволь действовать на Г.А. Но никогда это не было решающим и надолго. Все-таки для него его собственная истина всегда была главной.

И это было счастье Большого драматического театра. А сейчас — ну что?.. Сотни театров жили и живут ничуть не лучше и не хуже нас. Они и тогда жили так, но мы-то знали другую жизнь — с таким лидером, с такими целями, с такими результатами!

— На каких спектаклях в вашей жизни вы испытывали потрясения?

— «Живой труп» в Театре им. Леси Украинки с Фейей Протасовым — Михаилом Романовым. Для меня это по сей день одно из самых сильных впечатлений. Там была такая незащищенность, наивность, такая боль в глазах!

— Романов был уже немолод, когда играл Протасова?

— Ему не было пятидесяти, а мне он казался уже очень... Сейчас я смотрю на себя на фотографиях и часто думаю: я это или не я? Все какое-то другое, а внутри-то осталось прежнее.

— Конечно, вы и остались прежний, на фотографиях — только оболочка.

— Оболочка! Ты знаешь, но ведь именно этот конфликт между обо-

лочкой и тем, что внутри, с каждым днем набирает силу — и это самое трагическое во всем, что называется жизнью!

— Считается, что актеры — люди неверные. А вы человек верный. У вас всю жизнь был один театр, один режиссер, вам никогда не хотелось никуда переходить. Актерские предательства связаны с человеческими качествами или с изменчивой природой профессии?

— Я думаю, с человеческими качествами. Сволочь останется сволочью, в какой бы профессии ни находилась. А если у человека есть какие-то определенные принципы порядочности, то никакая профессия им не помешает.

— В работе над спектаклем творческие моменты зависят от человеческих?

— По-разному. Особенно на первых порах трудно абстрагироваться от личных симпатий и антипатий (все мы люди!) и приятнее находиться в работе с человеком, который тебе близок, интересен, созвучен. Но постепенно, когда уже что-то начинает получаться, все остальное уходит. И я могу очень многое простить и забыть. Я вообще не злопыхатный человек.

— Легко прощаете?

— Очень легко. Даже слишком легко. И, знаешь, даже забываю, что человек когда-то сделал мне мерзость!

— Кирилл Юрьевич, откуда берутся силы?

— Я не знаю, кем и когда это воспитано во мне (может быть, армейской средой — все-таки восемь лет в очень трудных условиях были большой закалкой характера), но постоянно существует какой-то элемент самодисциплины и воли по отношению к самому себе. Я могу впасть в отчаяние, но ненадолго.

— То есть все — внутри себя? Или хватаетесь за что-то внешне?

— Нет, все происходит в себе. Я редко бегу за помощью на сторону. Всегда и казнь, и милую себя сам. Хотя я очень подвержен настроению — мрачно, срываюсь, наступаю периоды полной меланхолии. Потом постепенно пытаешься из этого выйти, и... получается!

— Сцена в этом помогает?

— Помогает.

— Играть спектакли полезно?

— Очень, очень. И репетировать, и играть. Меняется весь мир вокруг тебя, тыходишь во что-то другое — и сразу отбрасываешь все за пределы того мира, куда вошел.

Мы вышли на солнечный двор БДТ. В этом дворе прошла его жизнь — от актерского общежития до кабинета худрука. «Ну куда тебя подвезти?» — «Кирилл Юрьевич, а где шофер?» — «Какой шофер, я сам за рулем! Почти столько же лет, сколько на сцене! А на сцене скоро будет пятьдесят». Он улыбался, мы ехали на Петроградскую и говорили о новой пьесе, в которой надо было бы ему сыграть

Беседу вела
Марина
ДМИТРЕВСКАЯ

14.9.2000
46

Лавров Кирилл